

К. В. Годунов
**«МЫ УБЬЕМ КЛАССЫ»: ПРАЗДНОВАНИЯ ГОДОВЩИН
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОКТЯБРЯ И ЛЕГИТИМАЦИЯ НАСИЛИЯ
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-167-175

УДК 394.21(47) ББК 63.5(2)

В центре внимания автора статьи — вопрос о культурных механизмах легитимации насилия в период Гражданской войны в России. На материалах истории празднования Дня пролетарской революции исследуется, как в культуре периода Гражданской войны проявилась культура революционного насилия. На основании изучения праздничных телеграмм советским лидерам, газет, визуальных материалов автор показывает, как тема насилия отразилась в риторике, символике, в элементах складывающегося праздничного ритуала (в первую очередь — в обрядах символических казней врагов революции). Делается вывод о том, что праздник был важным инструментом легитимации революционного насилия. Проанализированы символы, церемонии, ритуалы, эстетизирующие феномен насилия, делающие его наглядным и понятным большим массам населения. Исследовано, как в празднованиях проявился дискурс класса (в частности, антибуржуазная риторика), проанализированы особенности романтизации и сакрализации террора, что было особенно важно в ситуации дискуссии о красном терроре и полномочиях ВЧК. При этом делается вывод о том, что риторика и элементы праздничного ритуала были во многом унаследованы организаторами торжеств, находившихся в поле влияния культуры насилия, сложившейся до октября 1917 г. Культурный фон, особая психологическая атмосфера, политическая культура, которая сделала возможной Гражданскую войну и которая не всегда была напрямую связана с действиями большевиков, требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, культура насилия, советские праздники, язык класса*

Феномен насилия — одна из наиболее изучаемых тем в историографии российской революции и Гражданской войны. Применяя различные методы и подходы, исследователи анализируют масштабы насилия, роль политических, социальных групп, институтов и отдельных акторов в легитимации насилия.¹

Описывая факторы, способствовавшие эскалации насилия, современный исследователь российской революции пишет о воздействии «нужды и лишений» на радикализацию ситу-

ации после февраля 1917 г. и видит корни насилия в «антагонистических и репрессивных потребностях индивидуумов и коллективов, боровшихся за выживание».² В соответствии с этой точкой зрения, насилие приняло глобальный характер прежде всего из-за невозможности преодолеть глубокий социальный раскол общества.

Этот подход углубляет представление о революционном насилии, позволяет отойти от институционального взгляда на него. При этом автор статьи исходит из того, что социальные и политические конфликты опосредованы рамками культуры, формирующей горизонт представлений и ожиданий, задающей образцы поведения. Понятие «культура» при таком подходе понимается расширительно, как «правила игры», рамка, оптика, через которую представители того или иного сообщества смотрят на мир.

Важнейшим элементом культуры являются ритуалы и символы. О связи обрядов, церемоний и праздников с насилием писали многие

¹ О некоторых современных подходах к феномену насилия революционной эпохи дают представление материалы секции, организованной в рамках международного коллоквиума по истории Гражданской войны: Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: материалы международного коллоквиума. СПб., 2020. С. 489–567.

Годунов Константин Валерьевич — к.и.н., н.с., Европейский университет в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург)
E-mail: kostyagodunov@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском Университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны» (рук. Б. И. Колоницкий)

² Розенберг У. Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 46, 52.

исследователи. Специалисты по истории религиозных войн во Франции показали, что насилие толпы приобретало сакральное значение благодаря особым обрядам насилия.³ М. Озуф охарактеризовала праздники Французской революции XVIII в. как время объединения против врагов революции, как «насилие, которое дремлет внутри праздника». По ее мнению, праздник «обращается к тому, кто изгнан за его пределы..., кликает изгоя, сулит ему наказание и символически его карает».⁴ Таким образом, исследовательница обратила внимание на проблему культурной подготовки насилия.

Этот подход — изучение культурного изменения насилия — использовали и исследователи российской революции. Б. И. Колоницкий продемонстрировал, что субкультура революционного подполья монополизировала политическую сферу в 1917 г. и способствовала углублению и радикализации конфликтов, переросших в гражданскую войну.⁵ К. А. Тарасов показал, что характер насилия в 1917 г. определяла не только (и не столько) борьба политических партий, но и особенности революционной политической культуры, отчетливо проявившиеся в конфликтах вокруг ритуалов и символов.⁶ В. Б. Аксенов, автор новейшего исследования о массовых настроениях периода Первой мировой войны и революции, изучил в том числе символы и слухи, в которых проявились важные особенности восприятия насилия.⁷

Таким образом, на разном материале современные исследователи показали, что «насилие имеет культуральную историю».⁸ Изучение символического насилия (и символического оформления разных форм «реального» насилия), анализ особенностей риторики насилия, его проговаривания, культурной подготовки осознаются многими исследователями в качестве важных научных проблем.

Цель статьи — проанализировать первые празднования годовщин Октября в качестве

элементов формирования и поддержания культуры насилия в годы Гражданской войны. Выбор этого праздника в качестве объекта изучения неслучаен: память о революции, пробуждаемая в ходе праздника основания Советского государства, была в том числе и памятью о вооруженной борьбе, о схватках с врагами, о погибших героях революции, поэтому первые годовщины Октября могут быть рассмотрены и в качестве одной из важных форм легитимации насилия. При всем интересе к ранним советским праздникам тема связи насилия и празднований годовщин Октября в период Гражданской войны специально не освещалась.⁹

Автор проследит, как тема насилия репрезентировалась в риторике, в визуальных символах, в элементах складывающегося праздничного ритуала. Для этого будут использованы различные виды источников: пресса, визуальные материалы, праздничные телеграммы советским вождям.

Празднование первой годовщины Октября стало одной из наиболее масштабных политических и художественных акций революционной эпохи. Мобилизующий потенциал важной памятной даты не могли не использовать разные силы.

Автор стихотворения, опубликованного в газете «Вооруженный народ»,¹⁰ описывал значение первой годовщины революции следующим образом:

Напрасен рев кругом звериный
От злобы бешеных врагов,
Сегодня праздник наш, единый —
Пока не сбросил мир оков!
Но скоро час пробьет, и братья
Всех стран восстанут бедняки,
И палачам послав проклятья
Объединим мы все штыки.¹¹

³ См.: Земон Дэвис Н. Обряды насилия // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 111–162.

⁴ Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М., 2003. С. 119, 125.

⁵ См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

⁶ См.: Тарасов К. А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае–июле 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 28–39.

⁷ См.: Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 818–858.

⁸ Берк П. Что такое культуральная история? М., 2016. С. 166.

⁹ Одно из немногих исключений: Stites R. Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past // Bolshevik culture. Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington, 1985. P. 1–25. Авторы важных обобщающих работ по истории ранних советских праздников уделили основное внимание периоду 1920–1930-х гг.: Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. Дж. фон Гелдерн, посвятивший празднованиям революционной эпохи специальную работу, исследовал прежде всего художественные эксперименты деятелей культуры, участвовавших в организации торжеств: Geldern J., von. Bolshevik Festivals. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.

¹⁰ Газета издавалась военной секцией Петроградского Совета.

¹¹ Николаев Н. Великий год // Вооруженный народ. 1918. 10 нояб.

Годовщина в такой трактовке была временем объединения против врагов революции, борьба с которыми в ситуации начала мировой революции должна была приобрести особую остроту.

Автор стихотворения, напечатанного в праздничном выпуске «Известий Никольского Совета», использовал религиозную метафорику для критики христианского отношения к насилию:

Мой символ веры не страница
С набором бесполезных слов,
А клятва до могилы биться
За угнетенных бедняков.
И жрец в моем великом храме
Не раб неведомых богов,
А тот бесстрашный, кто как пламя,
Пожрать готов своих врагов.¹²

Авторы стихотворений описывали первую годовщину Октября как момент торжества сторонников Октября, ведущих гражданскую войну; праздник в этой трактовке был не только днем отдыха и развлечений, но и временем мобилизации, временем продолжения борьбы с врагами революции.

Подобное описание праздника было характерно не только для авторов стихотворений. «Пускай посмотрят кровососы, как беднота объединилась. Смерть тем, кто живет за счет трудящихся и угнетает их»,¹³ — писал в праздничной резолюции в честь первой годовщины Октября, напечатанной в газете «Беднота», представитель Богородского Уездного комитета.

«Да здравствует Всемирная Революция, труд крестьянства и рабочих, да здравствует война до полной победы над капиталом и угнетателями трудового крестьянства и рабочих»,¹⁴ — в этой телеграмме членов Боровицкого Волостного исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов использовался образ мировой революции, имевший чрезвычайно важное значение для многих рядовых активистов.¹⁵

Использовали этот образ и составители иных телеграмм. Представители Козмодемьянского отдела управления писали: «Огонь мировой революции разгорается. Еще одно усилие [и] мы победим. Пусть [в] этот торже-

ственный день пролетарского праздника капитал видит[,] что демократия сильна и никакие силы реакции для нас не страшны».¹⁶

Рабочие и крестьяне Андросовской, Криволучья и Ивановской волости, по словам составителей написанной от их имени резолюции, объединились «в многочисленный митинг» и выступили с «простыми речами против общего всемирного врага трудящихся — капитализма и империализма».¹⁷

Образ войны с господствующим в мире буржуазным порядком был тесно связан с ожиданиями победы мировой революции. Подобная риторика приобретала особое напряжение в ноябре 1918 г. в связи с революционными событиями в Европе (прежде всего в Германии).

Восприятие праздника в качестве элемента военно-политической мобилизации имело существенное значение и в ноябре 1919 г., в момент важнейших битв Гражданской войны. Корреспондент «Известий Московского Совета» отмечал: «Победные красные знамена напоминали также русским рабочим — участникам великой борьбы, героям пролетарской победы — о том, что борьба не кончена, что враг еще жив и его необходимо добить, уничтожить».¹⁸

Автор стихотворения, напечатанного в праздничном выпуске газеты «Олонецкая коммуна», писал:

Вперед! Победно развевайся
Наш красный флаг. Мы в бой идем.
Врагу заклятому свободы
Мы смерть и гибель принесем.¹⁹

Год спустя представители команд ряда кораблей Балтийского флота адресовали «дорогому вождю тов. Ленину» резолюцию, в которой давали клятву «не покидать наших постов до полного уничтожения всех врагов нашей пролетарской республики».²⁰

Праздник становился смотрам сил сторонников Октября и временем их мобилизации. Военные парады, ставшие важным элементом ранних советских праздников, должны были наглядно выразить эту идею: в ситуации Гражданской войны традиционное для российской праздничной традиции участие в государственных торжествах вооруженных сил

¹² Горбунов С. Пролетарские догматы // Известия Никольского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1918. 7 нояб.

¹³ Зиновьев Е. Пусть посмотрят! // Беднота. 1918. 6 нояб.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 10. Л. 96.

¹⁵ См. об этом: Альберт Г. Ю., Резник А. В. Основание коммунистического Интернационала в советской политической коммуникации, 1917–1919 годы // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 4 (47). С. 157–167.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 5. Д. 17. Л. 33.

¹⁷ Там же. Оп. 93. Л. 93.

¹⁸ Победные знамена // Вечерние известия Московского Совета. 1919. 8 нояб.

¹⁹ С.Т. Вперед // Олонецкая коммуна. 1919. 7 нояб.

²⁰ Москва, Кремль, товарищу Ленину // Петроградская правда. 1920. 10 нояб.

приобретало особое звучание.²¹ Радуюсь наступлению праздничных дней, сторонники Октября должны были помнить о необходимости продолжения борьбы с врагами революции.

Идея о необходимости уничтожения (политического и даже физического) врагов революции тиражировалась в праздничные дни с помощью разных средств, визуальных и риторических. «Смерть врагам Коммунистической Революции» — таков был один из праздничных лозунгов в честь первой годовщины революции, предложенный Московским комитетом РКП(б).²² Панно с надписью «Умирать пора» с изображением священника украсило здания на Исаакиевской площади 7 ноября 1918 г. Надпись, вероятно, относилась и к соседнему панно, на котором были изображены белый генерал, кулак и священнослужитель²³ — фигуры, олицетворявшие старый порядок.

Идея о необходимости уничтожения врагов революции проявилась и в элементах формирующегося праздничного ритуала.

Корреспондент петроградской «Красной газеты» писал в праздничные дни ноября 1918 г.:

Мы выйдем с песнями с окраин,
Знамена гордо понесем
Не страшен нам продажный Каин:
Мы всех врагов огнем сметем.²⁴

Зримым воплощением этой идеи стали символические казни врагов революции. Праздничные обряды уничтожения (чаще всего сожжения) чучел призваны были в доступной и привычной для участников торжеств форме объяснить цели борьбы с врагами революции. В этих обрядах отразилось представление о мести врагам революции, о наступлении нового социального порядка.

В Москве на Красной площади было сожжено чучело кулака. В Перми был организован «военный карнавал», включающий в себя такие элементы, как «предсмертные судороги империализма, смерть империализма (на автомобиле был установлен гроб), раболепие духовенства пред самодержцами-империалистами».²⁵

В Воронеже после карнавального судебного заседания чучело гидры с тремя головами — царя, священнослужителя и кулака — было приговорено к сожжению.²⁶ В Пензе участники торжеств пропели «отходную» городовому и сожгли его чучело.²⁷ В селе Брасовом Севского уезда Орловской губернии были сожжены чучела «попа, кулака и самогонщика».²⁸ В Елизаровской волости Павловского уезда Нижегородской губернии, как сообщал корреспондент газеты «Беднота», «на третий день [празднования — К. Г.] сожгли... чучело, как остатки старого строя, и радостно кричали “ура”».²⁹

По всей вероятности, сожжения стали наглядным воплощением идеи «о необходимости избавить сообщество от чуждых элементов ради создания нового утопического строя, ликвидировать всех тех, кто якобы ставил под удар благоденствие сообщества. Это убеждение представляло собой мощный аспект общего багажа радикальной политики и радикальных акций в Европе с 1917 по конец 1940-х гг.»³⁰ Глобальный процесс «очищения» сообществ от вредных элементов получал и символическое воплощение. Празднование годовщины Октября, которое, по замыслу организаторов, должно было маркировать начало нового этапа истории, сопровождалось риторикой обновления, преобразования и освобождения страны от врагов революции, внутренних и внешних.³¹

В конкретной ситуации осени 1918 г. подобная риторика и символика получала особое звучание: в контексте дискуссии о полномочиях ЧК легитимация насилия в ходе празднования годовщины революции воспринималась, а скорее всего, и задумывалась как обоснование красного террора.

Праздничные лозунги, украсившие здания ВЧК на Лубянке и соседние дома в ноябре 1918 г., гласили: «Война и смерть классовым врагам пролетариата, мир всему миру пролетарской семьи», «Пролетариат — могильщик буржуазии».³² Здание Чрезвычайной комиссии

²¹ О роли праздников в милитаризации советской культуры см.: Никонова О. Ю. Военные праздники и ритуалы как инструмент военно-патриотического воспитания // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 181–207.

²² Центральный Государственный архив Московской области. Ф. 66. Оп. 3. Д. 814. Л. 38.

²³ Советское декоративное искусство: агитационно-массовое искусство: оформление празднеств; материалы и документы, 1917–1932. Таблицы. М., 1984. Ил. 116, 117.

²⁴ Красный Октябрь // Красная газета. 1918. 10 нояб.

²⁵ Праздник революции // Известия Пермского губернского Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. 1918. 10 нояб.

²⁶ См.: Малюченко Г. С. Первые театральные сезоны новой эпохи // У истоков. М., 1960. С. 279, 280.

²⁷ См.: Местная жизнь. Годовщина великого дня в Пензе // Известия Пензенского Губисполкома и Городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. 1918. 10 нояб.

²⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 225. Л. 145.

²⁹ Три дня радости // Беднота. 1918. 23 нояб.

³⁰ Герварт Р., Хорн Д. Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. С. 29.

³¹ Об уничтожении или осквернении символов в эпоху революции см. также: Stites R. Op. cit.

³² Всероссийская Чрезвычайная комиссия в дни праздника // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб.

Весьегонска было украшено портретом М. Урицкого, над которым «серебряными буквами» была выбита надпись: «Они убили личность. Мы убьем классы».³³ Здание пермской ЧК украсил плакат с лозунгом «Смерть беспощадная всем супостатам, всем паразитам трудящихся масс».³⁴ С помощью праздничных лозунгов представители ЧК и в столице, и в провинции отстаивали легитимность курса на продолжение красного террора, что было особенно важно в период критики деятельности этой организации со стороны умеренного крыла большевистской партии.³⁵

Язык классового насилия использовали авторы праздничных телеграмм. Составители телеграммы, написанной от имени Съезда Советов и комитетов деревенской бедноты Малмыжского уезда, призывали к «полному уничтожению врагов трудящихся в лице капиталистов[,] кулаков и темных сил».³⁶ «[Да] здравствует диктатура пролетариата, да здравствует всеобщая мировая революция, красный террор империалистическим противникам революции»,³⁷ — писали представители Спасо-Преображенского Волостного Исполкома Каргопольского уезда. «...да погибнут паразиты трудового народа всего мира»³⁸ — так завершили свою телеграмму председатель Обоянского Исполкома и председатель большевистской партии Обояни.

Язык класса использовали разные акторы в ходе дискуссии о соотношении праздника и красного террора; и сторонники углубления террора, и люди, отстаивающие необходимость его ограничения, не могли не использовать классовую риторику.

Председатель Московского Совета Л. Б. Каменев и иные представители умеренного крыла большевистской партии добились проведения амнистии, которая была приурочена к празднованию первой годовщины революции.³⁹ Логике сторонников амнистии выразил

Д. Б. Рязанов. На заседании Петроградского Совета 21 сентября 1918 г. он заявил, что «только тогда, когда питерский пролетариат сможет с уверенностью сказать, что собрались под этим красным знаменем как в Смольном институте, так и во Дворце Труда,⁴⁰ что на этом красном знамени нет ни одной капли невинной крови пролетариев и городской бедноты, только тогда с чистой совестью и с чистым сердцем мы можем праздновать перед лицом всего международного пролетариата этот праздник».⁴¹ Рязанов полагал, что, «к сожалению, на этом красном знамени отложились капли невинной крови пролетариев и деревенской бедноты».⁴² От террора, по его мнению, страдали те группы населения, от имени которых большевики проводили свою политику и для которых предназначалось готовящееся празднование.

Язык класса использовал и оппонент Рязанова Г. Е. Зиновьев, который заявил в ответной речи: «Кто желает делать историю, кто желает очистить наш грязный мир от буржуазии и ее прислужников, тот не может отказаться от террора, тот должен обнажить меч и тот не должен отложить его до той минуты, пока победа [не] будет обеспечена вполне»,⁴³ — так описал председатель Петроградского Совета значение революционного насилия.

В этой речи нашли отражение важные элементы культуры насилия: антибуржуазная риторика была средством легитимации террора, который описывался не только как необходимый инструмент победы в Гражданской войне, но и как средство борьбы с главным врагом революции — буржуазией — в мировом масштабе.

Этот аргумент был частью стратегии легитимации террора: насилие революционного государства — временная мера, направленная против врагов революции, — приведет к полному искоренению самого феномена насилия в будущем.⁴⁴ Как отмечает автор обобщающего исследования о российской революции, глобальная цель подобной политики — «положить конец насилию, избавить человечество

³³ Празднование годовщины Октябрьской революции // Известия Весьегонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 17 нояб.

³⁴ С. Н. Праздник революции // Известия исполнительного комитета Совета железнодорожных депутатов Пермской дороги. 1918. 9 нояб.

³⁵ Подробнее о связи террора и праздника см.: Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 976–988.

³⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 468. Л. 103.

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 102.

³⁹ См.: Ратковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 207–209.

⁴⁰ Дворец Труда — бывшее здание Ксениинского института, после революции перешедшее в ведение профсоюзов. Открытие здания было приурочено к празднованию первой годовщины Октября.

⁴¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3, 4.

⁴² Там же. Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ См.: Ryan J. The Sacralization of Violence: Bolshevik Justifications for Violence and Terror during the Civil War // Slavic Review. 2015 (Winter). Vol. 74, № 4. P. 822.

от страданий и создать новый мир и новых людей».45 Вера в это давала моральное право осуществлять насилие, а сомневающиеся в его необходимости обвинялись в стремлении остановить революцию и помешать установлению нового мирового порядка.

Сторонники революционного насилия призывали, используя формулировку М. Вебера, «к последнему насилию, которое привело бы к уничтожению всякого насилия».46 В некоторых случаях схожие понятия употребляли и люди, описывающие значение празднования Дня пролетарской революции:

Мы справляем свою годовщину,
День, когда с исполинским усильем,
Вождь народный низвергнул рутину
И вступил в бой последний с насильем.47

В большевистской пропаганде мировая и гражданская войны противопоставлялись друг другу. При этом образ Великой войны как «последней войны», которая положит конец самому феномену войны, в той или иной форме проявившийся в культурах многих стран, принимавших участие в глобальном конфликте, оказал воздействие и на советскую культуру насилия.48

В концентрированном виде представление о благотворности насилия отразилось в статье «Новая Нагорная проповедь», напечатанной в праздничном номере «Известий Никольского Совета». Одну из заповедей — «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» — автор статьи переводил на революционный политический язык так: «Несчастливы миротворцы, накладывающие заплатки на изношенную одежду, не дающие более защиты носящим ее. Несчастливы миротворцы, ибо то, что они будут наречены сынами Божиими, не сделает их способными постоять за правду. Войне надо противопоставить войну, насилию — силу, — таков закон жизни и деятельности любви. Блаженны те, которые не толкуют о мире, когда необходим отпор и не болтают лицемерно о возможности братства

между волками и овцами. Блаженны сеющие семена борьбы и восстания против зла, ибо они будут сынами правды».49

Представители Столбищенской волостной организации коммунистов посылали «горячий привет Съезду Советов»50 и выражали надежду в том, «что недалеко час[,] когда советская власть победит врагов и утвердится во всем мире к великой радости трудящихся. Да здравствует международная советская республика».51

Представление о том, что российские революционеры не только уничтожают российскую буржуазию, но и ведут борьбу с мировым капиталом, отразилось и в визуальной пропаганде: на плакате, приуроченном к 3-й годовщине революции, был изображен красноармеец, изгоняющий капиталиста с земного шара.52

В ходе ранних советских празднований репрезентировался образ «всемирной тотальной войны классов».53 Как показывают процитированные выше разнородные материалы, классом, который в первую очередь должен был быть уничтожен сторонниками революции, была буржуазия, а точнее те социальные группы, которые описывались пропагандой как «буржуазия».

«...да победит наша мозолистая рука рабочих и крестьян весь буржуазный класс...»,54 — писали представители первого эскадрона Первого крестьянского коммунистического стрелкового «Красные орлы» полка. В телеграмме, написанной от имени «граждан Сосновской волости Нижегородской Губернии», описывалось противостояние двух классов: «...отныне клянемся вести беспощадную борьбу с кулачеством и всеми паразитами трудящихся. Да здравствует диктатура пролетариата над буржуазией».55

Едва ли можно говорить о том, что подобная риторика искусственно навязывалась большевиками — уже после февраля 1917 г. антибуржуазное сознание, объединявшее представителей различных политических сил,

45 Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018. С. 160.

46 Вебер М. Политика как призвание и профессия // Власть и политика. М., 2020. С. 317.

47 Ашик-Кериб Мировой праздник // Известия Кашинского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1918. 10 нояб.

48 О перекодировке патриотического дискурса 1914 г. в ходе советских праздников см.: Малышева С. Ю. Образ войны в исторической мифологии раннесоветского праздника // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 166–181.

49 Новая Нагорная проповедь // Известия Никольского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1918. 7 нояб.

50 Речь идет о VI Всероссийском Чрезвычайном Съезде Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов, приуроченном к празднованию первой годовщины революции.

51 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 5. Д. 17. Л. 28.

52 См.: Гражданская война в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник. СПб., 2018. С. 57.

53 Малышева С. Ю. Образ войны в исторической мифологии... С. 172.

54 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 10. Л. 113.

55 Там же. Оп. 5. Д. 17. Л. 29.

стало частью массовой культуры,⁵⁶ в этом отношении «основа террора уже была заложена в субкультуре революционного подполья».⁵⁷ Неслучайно петроградские левые эсеры использовали в ноябре 1918 г. лозунг: «Да здравствует великий праздник победы трудящихся над буржуазией».⁵⁸ Бывшие сторонники большевиков, в период празднования годовщины Октября преследуемые правящей партией, принимали косвенное участие в легитимации революционного насилия. Ненависть к буржуазии, трансляторами которой были не только сторонники большевиков, стала одной из эмоциональных основ террора и важным элементом революционной праздничной культуры.

Представители Льговской организации РКП(б) писали: «Да здравствует Шестой Всероссийский Съезд Советов[,] смерть и позор буржуазии всего мира[,] да здравствует красная армия [—] освободительница трудящихся масс из-под ига капитала и вождь ее тов. Троцкий. Да здравствует мировая революция».⁵⁹ В телеграмме отразились важные особенности риторики революционной эпохи: вождизм, антибуржуазное сознание, милитаризм, ожидания мировой революции. Поздравляя лидеров большевиков с празднованием годовщины Октября, партийные активисты в разных частях страны писали о необходимости чрезвычайных мер по отношению к врагам революции, которых необходимо было не только победить в ходе военного противостояния, но и физически уничтожить. Призывы к насилию соединялись с проявлениями лояльности вождям и ожиданиями скорой победы мировой революции, верой в то, что тотальное уничтожение врагов приведет к быстрому достижению целей, поставленных революцией.

Исследование празднований годовщин Октября как инструмента легитимации революционного насилия позволяет сделать несколько выводов.

В период Гражданской войны идея насилия пронизывала празднования годовщин революции: она отразилась в риторике, в церемониях (прежде всего в сожжениях чучел

врагов), в визуальных образах. Праздник эпохи Гражданской войны был временем не только отдыха и развлечений, но и продолжения борьбы с врагами революции. Разные группы организаторов торжеств должны были найти слова и возбудить эмоции, сформировать особую психологическую атмосферу войны, сохранявшуюся и в момент празднования. Гибель врагов революции должна была обрести смысл, ей нужно было найти оправдание.

Современные исследователи истории революции показали, что в ситуации распада прежних иерархий насилие стало одной из основ формирующейся солидарности.⁶⁰ Праздник основания нового государства сыграл в этом процессе важную роль. Участники торжеств должны были ощутить себя сообществом, спаянным общими эмоциями, важнейшей из которых была ненависть к врагам революции.

Организаторы церемоний стремились исключить различные политические и социальные группы из празднований Октября. Дискурс класса, доминировавший в ходе революции и Гражданской войны, способствовал разделению людей на классы в разных пониманиях этого слова. Представление о благотворности классового насилия (и даже его сакрализация) стало устойчивым элементом советской политической культуры.⁶¹

Особый контекст Гражданской войны был питательной средой для культуры насилия. Неслучайно Ш. Фицпатрик писала о том, что этот период стал для большевиков «крещением огнем»,⁶² сыграл решающую роль в формировании советской политической системы. Советское государство как специфическое политическое сообщество создавалось в условиях Гражданской войны как реакция на вызовы такой войны. Это оказало воздействие и на складывающуюся в это время культуру насилия.

Некоторые особенности культуры насилия, проявившиеся в празднованиях Октября, объясняются особым контекстом: дискуссия

⁵⁶ См.: Kolonickij B. *Antibourgeois Propaganda and Anti-“Burzhui” Consciousness in 1917* // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53, iss. 2. P. 183–196.

⁵⁷ Figs O., Kolonickij B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London, 1999. P. 183.

⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 459. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 5. Д. 17. Л. 13.

⁶⁰ См.: Smith S. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis*. Oxford, 2017. P. 382, 383; Иванов Д. «Бить по головам буржуев»: вонизированное насилие в Шлиссельбурге, 1917–1919 гг. // *Ab Imperio*. 2019. № 2. С. 197–227.

⁶¹ См.: Поршнева О. С. Образ «Священной борьбы» в воспоминаниях рабочих и большевиков — участников гражданской войны на Урале // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2016. С. 429–433.

⁶² Fitzpatrick S. *The Civil War the Formative Experience* // *Bolshevik culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, 1985. P. 74.

о красном терроре и полномочиях ВЧК, революции в европейских странах, решающие сражения осени 1919 г. не могли не оказать воздействие на восприятие праздника. Вместе с тем многие элементы культуры насилия, отчетливо проявившиеся в празднованиях революции: антибуржуазное сознание и представление о благотворности классового насилия, ожидания мировой революции, романтизация (и даже сакрализация) террора — сложились

до октября 1917 г. Репертуар образов, метафор, элементов праздничного ритуала был во многом унаследован организаторами торжеств, находившихся в поле влияния культуры насилия. В легитимации насилия свою роль сыграла не только деятельность конкретных политических акторов: большевиков, их союзников, оппонентов и врагов, — но и особенности культуры, унаследованной, закрепленной и развитой победителями в Гражданской войне.

Konstantin V. Godunov

Candidate of Historical Sciences, European University at St. Petersburg (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: kostyagodunov@yandex.ru

«WE'LL KILL THE CLASSES»: CELEBRATING THE ANNIVERSARIES OF THE REVOLUTIONARY OCTOBER AND LEGITIMIZING VIOLENCE DURING THE CIVIL WAR

The problem of cultural mechanisms of legitimization of violence during the period of the Russian Civil War is central for the author. The article, based on the materials of the history of the festivals of the Day of the Proletarian Revolution, examines how the culture of revolutionary violence manifested itself in the festive culture of the Civil War period. Based on the study of festive telegrams to Soviet leaders, newspapers, visual materials, the author shows how the theme of violence was reflected in the rhetoric, symbolism, in the elements of the emerging festive ritual (first of all, in the rites of symbolic executions of the revolution enemies). It is concluded that the festival was an important tool for legitimizing revolutionary violence. The article investigates symbols, ceremonies, rituals aestheticizing the phenomenon of violence, making it visible and comprehensible for the masses of the people. It also examines how the class discourse manifested itself in the celebrations (in particular, anti-bourgeois rhetoric), analyzes the features of the romanticization and sacralization of terror, which was especially important in the situation of the discussion about the red terror and the powers of the Cheka. At the same time, it concludes that the rhetoric and elements of the festive ritual were largely inherited by the organizers of the celebrations, who were in the field of influence of the culture of violence that developed before October 1917. Further study is needed into the cultural background, specific psychological atmosphere, and political culture which made the Civil War possible and which was not always directly linked to the Bolsheviks' actions.

Keywords: *Russian Civil War, culture of violence, soviet festivals, class language*

REFERENCES

- Aksenov V. B. *Slukhi, obrazy, emotsii: massovyye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914–1918* [Rumors, Images, Emotions: Mass Moods of Russians During the War and Revolution, 1914–1918]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. (in Russ.).
- Albert G. Yu., Reznik A. V. [The Foundation of the Communist International in Soviet Political Communication, 1917–1919]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2019, no. 4 (47), pp. 157–167. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-157-167 (in Russ.).
- Burke P. *Chto takoye kul'tural'naya istoriya?* [What is Cultural History?]. Moscow: Izd. dom VShE Publ., 2016. (in Russ.).
- Figes O., Kolonickii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1999. (in English).
- Fitzpatrick S. *The Civil War the Formative Experience. Bolshevik culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985, pp. 57–76. (in English).
- Geldern J. von. *Bolshevik Festivals*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1993. (in English).
- Gerwarth R., Horne J. [Paramilitary Conflicts in Europe after World War I: An Introduction]. *Voyna vo vremya mira: Voyenizirovannyye konflikty posle Pervoy mirovoy voyny, 1917–1923* [War in Peace: Paramilitary Conflicts After the Great War, 1917–1923]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014, pp. 8–31. (in Russ.).
- Godunov K. V. [The Celebration of the First Anniversary of the October Revolution and the Red Terror: Legitimizing of Revolutionary Violence]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2020, vol. 10, no. 4, pp. 976–988. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.410 (in Russ.).

- Grazhdanskaya voyna v obrazakh vizual'noy propagandy: slovar'-spravochnik* [Civil War in the Images of Visual Propaganda: A Dictionary-Handbook]. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ., 2018. (in Russ.).
- Grazhdanskaya voyna v Rossii: Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voyennykh ispytaniy, 1917–1922* [The Russian Civil War: Life in the Era of Social Experimentation and Military Trials, 1917–1922]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. (in Russ.).
- Ivanov D. I. ["Hit on the Bourgeois Heads": Paramilitary Violence in Shlisselburg, 1917–1919]. *Ab Imperio*, 2019, no. 2, pp. 197–227. (in Russ.).
- Kolonitskii B. Antibourgeois Propaganda and Anti-"Burzhui" Consciousness in 1917. *The Russian Review*, 1994, vol. 53, iss. 2, pp. 183–196. (in English).
- Kolonitskii B. I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power: Toward a Study of the Political Culture of the 1917 Russian Revolution]. Saint Petersburg: Liki Rossii Publ., 2012. (in Russ.).
- Malysheva S. Yu. [The Image of War in the Historical Mythology of the Early Soviet Holiday]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [Experience of World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas Publ., 2007, pp. 166–181. (in Russ.).
- Malysheva S. Yu. *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: Prostranstvo, simvoly, istoricheskiye mify (1917–1927)* [Soviet Festive Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten Publ., 2005. (in Russ.).
- Malyuchenko G. S. [The First Theatrical Seasons of the New Era]. *U istokov* [At the Origins]. Moscow: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1960, pp. 242–331. (in Russ.).
- Nikonova O. Yu. [Military Holidays and Rituals as an Instrument of Military-Patriotic Education]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [Experience of World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas Publ., 2007, pp. 181–207. (in Russ.).
- Ozof M. *Revolutsionnyy prazdnik: 1789–1799* [Revolutionary Festival: 1789–1799]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. (in Russ.).
- Porshneva O. S. [The Image of "Sacred Struggle" in the Memoirs of Workers and Bolshevik Participants in the Civil War in the Urals]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VI Mezhdunar. nauch.-praktich. konf.* [Document. Archive. History. Modernity: Proceedings of the 6th International Sci. and Practical Conf.]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2016, pp. 429–433. (in Russ.).
- Ratkovskiy I. S. *Krasnyy terror i deyatelnost' VChK v 1918 godu* [Red Terror and the Activities of the VChK in 1918]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Rolf M. *Sovetskiye massovyie prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. (in Russ.).
- Rosenberg W. [Revolution and Counterrevolution: Syndrome of Violence in the Russian Civil War (1918–1920)] *Voyna vo vremya mira: Voyenizirovannyye konflikty posle Pervoy mirovoy voyny, 1917–1923* [War in Peace: Paramilitary Conflicts After the Great War, 1917–1923]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014, pp. 35–62. (in Russ.).
- Ryan J. The Sacralization of Violence: Bolshevik Justifications for Violence and Terror During the Civil War. *Slavic Review*, 2015 (Winter), vol. 74, no. 4, pp. 808–831. (in English).
- Smith S. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. (in English).
- Steinberg M. *Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921* [The Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2018. (in Russ.).
- Stites R. Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past. *Bolshevik culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985, pp. 1–25. (in English).
- Tarasov K. A. [Political Violence in the Petrograd Garrison in May–July 1917]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2014, no. 1 (9), pp. 28–39. (in Russ.).
- Weber M. [Politics as a Vocation]. *Vlast' i politika* [Power and Politics]. Moscow: RIPOL Klassik Publ., 2020, pp. 252–410. (in Russ.).
- Zemon Davis N. [Rites of Violence]. *Istoriya i antropologiya. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya na rubezhe XX–XXI vekov* [History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Saint Petersburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge; Aleteyya Publ., 2006, pp. 111–162. (in Russ.).

Для цитирования: Годунов К. В. «Мы убьем классы»: празднования годовщин революционного Октября и легитимация насилия в период Гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 167–175. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-167-175.

For citation: Godunov K. V. «We'll Kill the Classes»: Celebrating the Anniversaries of the Revolutionary October and Legitimizing Violence During the Civil War // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 167–175. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-167-175.